

РУКА В ЦЕНТРЕ

Рассказ МАКСА ЗИНГЕРА

I.

С утра в редакции оглушительно трещали телефонные звонки, создавая первую атмосферу.

Товарищ Любимова регистрировала одной рукой материалы, отправляемые в типографию другой нажимала кнопку звонка, вызывая курьера, а щекой прижимала к плечу телефонную трубку, тщетно пытаясь привлечь внимание вздремнувшей телефонистки.

С огромной разбухшей сумкой через плечо вошел в редакцию почтальон. Товарищ Любимова приняла почту, и быстро распределив ее по отделам газеты, распечатала адресованное ей письмо.

«Досточтимая и уважаемая редакция! Прошу выслушать мой голос с провинции. Как я есть сейчас уволенный из кооперации ни за что ни про что, то имею достаточно времени для того, чтоб освещать интересующую Вас работу сов. аппарата, кооперации и т. д., в условиях и пределах Лебедянского уезда, Тамбовской губернии. Кроме всего этого у меня есть, отпечатанные на машинке «Ундервуд», воспоминания об участии в гражданской войне (РККА).

Во всем изложенном прошу Ваше согласие на труд сообщить мне.

С братским приветом Иван Беркетов».

Оторвав листок из редакционного блокнота, Любимова размашисто написала:

«Москва, 20 мая 27 г.

Товарищу Беркетову.

Имеющиеся у Вас материалы присылайте на просмотр редакции.

Технический пом. секретаря

Любимова».

Стоял ясный солнечный день, когда деревенский разносчик писем встретил у колодца Беркетова, ковылявшего пьяной походкой, и передал ему конверт, на котором внушительно чернел бланк крупной московской газеты. Беркетов сунул письмо в карман, остолебенев от неожиданности, словно получил надел на десять душ в прибавок. Придя к себе домой, он ткнул сапогом понависшего под ноги кота, сел на скамью под образа и спичкой бережно вскрыл конверт.

Когда Беркетов прочел письмо Любимовой, сердце его забилося, как спичка в заезде. Куда и хмель прошел. С письмом в руках побежал Беркетов к председателю, товарищу Стуликову.

— Ну что, Стулков, чье брешет? — вместо приветствия сунул под нос Стуликову письмо. — Вот оно как! Вы меня из ко-

операции исключили, а мы вас, стало быть... В центр будем писать! Не лантем щи хлебает!

— Да что ты, парень, колготишься! Говори толком, не пойму я тебя, — отступал Стуликов от насканивавшего Беркетова.

— Чего тут понимать, тут ясно сказано! Товарищ Беркетов, присылай материал и никакая гайка! Погоди, мы покажем как это из кооперации увольняют!..

— А ну, покажи письмо-то! Трепещешься небось? — сказал Стуликов.

— Да-а а... — глотнул нараспех Стуликов, озадаченный неожиданно складывающимися обстоятельствами, заведя конверт с бланком крупной московской газеты.

— Когда нечего сказать, так и да хорошо, — сказал Беркетов. У вас первое дело — выгнать человека! Мало ли что Беркетов выпивает? Все сейчас выпивают! А если Беркетов и прогулял три дня, так обратите внимание — то же были Вера, Надежда, Любовь и мать их Софья! А в такой день я ни одному партийному не поверю. Но Беркетов человек не злопамятный. — Не в том дело, дорогой товарищ, а в том, что вы меня ни во что не ставили, а вот в центре — на меня обратили внимание. Сам технический пом написал! Если опосля этого у вас не найдется мне работенки по письменной части — это уж ваше дело, только на меня не пеняйте. Я предупредил по-товарищески, — потянул носом и сплюнул под стол Беркетов. — Я ведь кажется могу составить бумагу за первый сорт, сами знаете.

— Вот пролаза, уж в центре руку достал, — подумал Стуликов.

— Да, так вот, товарищ Стуликов, — заговорил снова Беркетов, — я предупредил и скажу, что я вам не селькор Борисов, которого вы жмете со всех сторон. Не таковский я, потому что я центральный корреспондент и имею полное право завтрашний же день вывести вас на чистую воду.

— Ну, вот что! Будя зря бузить! Супротив тебя у нас возражений нету. А пить бросишь — так что-ж, работай себе за милую душу. Нам то что? Не дэтей крестить! Кстати, человек требуется. В аккурат завтра общее собрание. Приходи, приговор составишь. Дело у нас есть, с умом надо сделать. Насчет Дуняшки

Выставка произведений искусств в Москве к десятилетию Октября

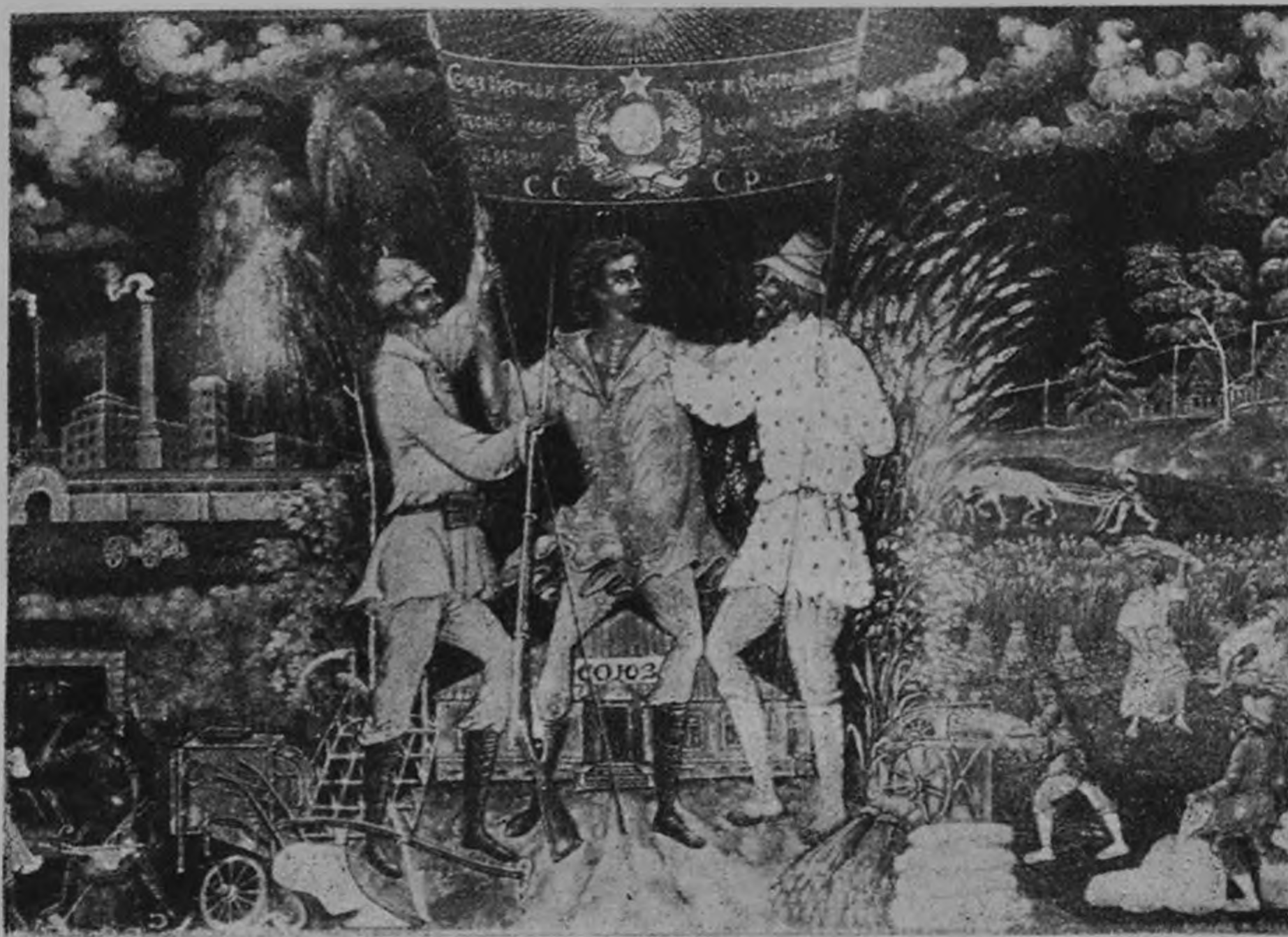

Худ. Ряжский — «Физкультурница»

Художник Мих. Либакон — «Строительный рабочий»

ВЫСТАВКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИСКУССТВ В МОСКВЕ К ДЕСЯТИ-ЛЕТИЮ ОКТЯБРЯ

Иалеховский кустарь И. Баканов — „Смычка“

Сапожниковой. Хотим ее всем миром взять на поруки, как она отравила своего единственного мужа.

— Ну, это нам — раз плюнуть! Прощевайте, товарищ Стуликов. До завтра.

II.

Сход был у пожарного сарая. Собралась вся деревня, Галдели, кричали, а Вася Корнеев, выставленный из комсомола за хулиганство, так тот даже гармонь с собой захватил и после речи первого оратора стал наяривать «яблочко». Гармонь у него отняли, а самого отвели к тетке, жившей у пожарного сарая, подветив, для ясности, по дороге глаза.

Постановили, приняв во внимание, что у Беркетова есть рука в центре, просить Москву через редакцию газеты помиловать Евдокию Сапожникову.

Беркетов составил приговор и огласил его при всем затихшем собрании:

П р и г о в о р.

24 мая 1927 года общее собрание граждан дер. Горбатое Астановского общества, в присутствии 26 домохозяев с правом решающего голоса, под председательством товарища Стуликова и секретаря Беркетова, выслушав словесное заявление Звонарева С. И., единогласно постановили выдать настоящий приговор о характеристике дочери его Евдокии Сергеевны, суть коего следующая:

Звонарева родилась в семье самого беднейшего крестьянина, который вошел по наследству в крестьянство из чисто фабрично-пролетарского происхождения, получив жалкое крестьянское хозяйство. И вот Звонарева, воспитываясь в своем доме среди нужды и нищеты, не получив даже правильного сельского образования, и ее захлестывает революционная волна молодежи, где она начинает вращаться в кругу РКСМ. Ей, как молодому отпрыску РСФСР, становится тяжело жить в той обстановке, в которой она находилась, и она начинает рваться из деревни и искать более свободного женского праца. Присовокупляем, что за Звонаревой Е. С. замечались слабости умственного мозга. Уехав в город Москву, чтоб пройти курсы кройки и шитья, она знакомится с членом профсоюза металлистов тов. Сапожниковым, с которым решила на совместную жизнь.

Прошло некоторое время; Астановское общество услышало, что между Звонаревой и ее мужем вышел пре-

ступный разрыв — она отравила своего мужа и стала виновной перед судом.

В связи с происшедшим уклоном уголовного характера со стороны Звонаревой Е. С. и ее мужа, Астановское общество просит Московский Губсуд, ввиду ее низкого культурного уровня, чисто рабоче-крестьянского происхождения и несудимости, применить к ней статью Уголовного Кодекса. Но как таковая и в своей молодости не была под замечанием, как отпрыску революционного авангарда, применить к ней самую снисходительную статью, ввиду ее тяжелого неврасения.

Председатель Стуликов.

Секретарь Беркетов.

— Теперь, — продолжал Беркетов, — товарищи, желающие подходите к столу прикладывать подписи.

Подписались и за неграмотностью наставили крестов 26 человек. Приклеив к приговору гербовую марку и вылизав конверт, Беркетов вывел химическим карандашом: «лично — Любимовой» и адрес московской редакции.

Любимова, получив письмо на свое имя, немало удивилась.

— От кого это может быть? — вскрывая конверт подумала она. — Уж не от Кольки ли Сафронова? Вот свинья! Месяц как ушел из репортеров во флот и ни строчки не черкнул. Да нет, это не от Кольки! Это из Лебединой от кого-то.

Торопливо прочитав письмо, Любимова написала на нем сбоку красными чернилами: «В Губсуд».

III.

Губсуд отклонил ходатайство граждан дер. Горбатое. Из редакции Беркетов не получал больше пакетов. А Стуликов, стазывая Беркетову в работе, урезонивал его:

— Треню ты — и есть треню. Бесполезный человек! Сунулся в волки, а хвост как у телки. Ломаный тебе пятак цена! А еще тоже грозиться вздумал! Не на таких напал, братишечка! Нас не запугаешь!

ЖУРНАЛ
„КРАСНАЯ ПАНОРАМА“
В 1928 ГОДУ
В ОТДЕЛЬНОЙ ПРОДАЖЕ № 10 КОП.

Худ. Е. Наумов — „Ходоки у Калинина“

Художник
И. С. Верейский
«Морозный день»

КРАСНАЯ ПЯНОРЛА

№ 4

Цена 10 коп.

Библиотека

П. В. И. Ленин

XX 9/8
КРАСНАЯ ПАНОРАМА

Тов. ВОЛОДАРСКИЙ

Портрет работы художника **С. В. Чехонина**

шие клочки возделанной земли и сочились зеленью тропических растений.

На краю того острова, к которому направлялся корабль, приютился одинокий маяк с полосатой башней, чтобы отсюда по ночам, вспыхивая проблесковыми лучами, показывать путь морякам, затерявшимся в океане. Около самого берега показались дома, похожие на игрушечные кубики. Это были португальские колонии, населенные малочисленными племенами туземцев: неграми и мулатами.

На мостик поднялся капитан Кэнт в белом форменном костюме с золотыми позументами, с вензелем на фуражке. Он редко показывался здесь, проводя все время в своем салоне. Поэтому матросы рассматривали его с любопытством, точно он впервые появился на судне. Бульдозье лицо его было чисто выбрито, освежено одеколоном. Обменявшись несколькими фразами со своим третьим помощником, молодым человеком, который почему-то излишне суеился перед ним и по-юношески краснел, он начал прохаживаться по мостику под развешенным тентом. Шаги его были медленные, словно ему трудно было носить собственное туловище на кривых ногах. По временам, останавливаясь, он бросал сквозь очки взгляд на океанскую ширь, на острова, на палубу своего судна.

На «Орионе», готовясь к погрузке угля, давно уже открыли бункерные люки. Матросские постели, чтобы не заплыть их, снесли с первого трюмного люка в кубрик. Все палубные работы были закончены. Матросы без дела толпились на баке. Некоторые из них уже раньше бывали на этих островах и теперь делились впечатлениями со своими товарищами. Рулевой Кинче, рыжеволосый, с круглыми опущенными плечами, покачивая маленькой головой на толстой шее, рассказывал баском:

— Я однажды застрял здесь на берегу дольше, чем следует. Судно мое ушло. И опоздал-то на какой-нибудь час. Трехмесячное жалованье мое только улыбнулось мне, а досталось в руки капитану. Капитан из итальянцев был, чтобы у него от моих денег растрескалось сердце, как земля от жары. Три недели прошло, пока не подвернулась вакансия на другой коробке. Хватил я тут горя, на этом острове. Сунулся в карманы — пусто. Пустил в оборот свой новенький костюм, а сам нарядился в лохмотья. На придачу и жил кое-как. Питался мансом и фруктами. Одно только утешение было — с мулатками развлекался. Женщины угарные и до нашего брата большие охотницы. Вдребзги измучился.

— Эх, хоть бы денек один покура-лесить на острове! — воскликнул кочегар.

Кинче посоветовал:

— Запасайся, ребята, авансом. Главное, чтоб мелочь была. Торговки припрут на палубу с фруктами. Будет дело.

Все ухватились за эту мысль и двинулись к каюте штур-

А. Д. ДЮРУПА
Скульптура работы С. Д. Лебедевой (выставка Совнаркома к 10-летию Октября)

вого штурмана. Сайменс, выглянув из каюты, спросил:

— Что скажете хорошего?

— На счет аванса, сичьор Сайменс.

— По сколько?

— Немного — по десять долларов на брата.

Сайменс почесал за ухом.

— Ого! Разыгрался у вас аппетит. И по два доллара некуда будет девать. Имейте в виду, что вы за целый месяц забрали жалованье вперед еще в Буэнос-Айресе.

Много спорили и сошлись на половине запрошенной суммы.

Старший кочегар, датчанин Домбер, получивший аванс, встретился около третьего люка с Лутатини и спросил:

— А вы что же, друг, не стоите в очереди?

Лутатини был сыном зажиточного нотариуса. На судно он попал в качестве матроса по пьяной лавочке, подписав в кабаке контракт с агентом от пароходной компании. Такое подневольное плавание очень тяготило его.

— А на что мне деньги? — спросил он.

— Фруктов купите или еще что-нибудь. Мало ли на что пригодятся деньги. Лучше иметь их у себя в кармане, чем в шкатулке администрации.

— Это верно.

Лутатини смущенно встал в затылок другим. А когда расписался

в ведомости, вышел из каюты очень довольным. Это был первый гонорар, заработанный им физическим трудом. Он бережно завязал серебряные монеты в грязную тряпку, служившую ему носовым платком, и засунул их в карман рабочих брюк. Он даже улыбнулся, как будто приобрел большое богатство. Но сейчас же его загорелое лицо приняло выражение озабоченности. Чрезвычайно волновала близость земли. Опять вспыхнула тоска по родине. Единственная мысль не давала покоя — нельзя ли отсюда послать телеграмму отцу? Может быть там, в Буэнос-Айресе, примут какие-нибудь меры, чтобы избавить его от тяжести матросского труда и от риска быть утопленным немецкими субмаринами.

«Орион» вошел в бухту, представлявшую собою часть разрушенного кратера. Застопорили машину. Не успели еще

бросить якоря, а к бортам уже причалили две баржи с углем. Целая шлюпочная флотилия окружила судно и, горлая на разных языках, лезла на него, словно хотела взять его на abordаж. Первыми, взбираясь по штурм-трапу, поднялись на палубу начальствующие лица. Среди них были: двое военных, полиция, таможенные и портовые чиновники. А возглавлял всех местный губернатор, смуглый португалец, лет пятидесяти, в форме с золотом и медалями, с саблей на левом боку. Что-то карикатурное было в том, что на ногах у него, вместо сапог, желтые новенькие сандалии, а короткие темные носинки панталон.

ПРОЦЕСС ШАХТИНСКИХ КОНТРРЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

В Москве началось слушание дело шахтинских контрреволюционеров. На снимке — группа обвиняемых на скамье подсудимых

«Кустарь»

Художник

М. Н. Орлова

КРАСНАЯ ПЯНОРЛА

№ 22

Цена 10 коп.

КРАСНАЯ ПАНОРАМА

ЛЕТО В ЛЕНИНГРАДЕ

Проспект 25-го Октября (у Казанского собора)

Рисунок Г. С. Верейского